

Людмила Облова

МЕСТО ЧЕЛОВЕКА В КУЛЬТУРЕ: ПРЕВРАЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

В статті розглядаються фундаментальні опозиції щодо розуміння культури: культура – природа, культура – варварство. Це дає підстави представити амбівалентну сутність конституйованих засад культури і положення людини в культурі.

Ключові слова: культура, природа, варварство, війна, природне.

В статье рассматриваются фундаментальные оппозиции в понимании культуры: культура – природа, культура – варварство. Это позволяет показать амбивалентность конститутивных оснований культуры и положения человека в культуре.

Ключевые слова: культура, природа, варварство, война, естественное.

The article is devoted to analysis of fundamental oppositions in the theory of culture: culture – nature, culture – barbarism. It helps to clarify the ambivalent position of constitutive basis of culture and human being in culture.

Keywords: culture, nature, barbarism, war, natural.

Философия смотрит на культуру в собственных пределах. Избегая познания культуры через произведения деятелей культуры, она отпущена понимать культуру не детально, а существенно. При этом она не отбрасывает конкретной стороны культуры и не лишена необходимости наблюдать ее на уровне предметного мира. Учитывая то, что на уровне предметного мира культура не совсем понятие в его узком значении, настроимся на то, что речь пойдет о проявлении человеческих усилий в содержательном измерении культуры. Человеку не удастся определить культуру однозначно. И еще сложнее уловить свое место в культуре. Целью данной статьи является исследование тех оснований, с помощью которых философия культуры предлагает определять место человека в культуре – это соотношение культуры и природы, культуры и варварства.

Взгляд на деяние культуры в ограниченном пространстве оправдан тем, что, во-первых, попытки исследователей не давать определения культуре заканчиваются неспособностью оторваться от общего концептуального положения о культуре. Согласно такому пониманию, культура – комплекс явлений, противостоящий природе. Результативно все сводится к социальности. Во-вторых, культура предстает духовной организацией, способной определять нормы и стили поведения, мыслей, чувств человека. Выходит, что исследуется не столько культура, сколько восхваляется бытийствующая способность социального. Размышлениям о культуре с точки зрения ее предметной стороны посвящено немало

работ. Выделяются опыты Б. Парахонского, М. Собуцкого, А. Погорелого. Культуру с точки зрения формы рассматривает М. Савельева. Исследователи описывают парадигмы культурологического знания, где фундаментальной оппозицией культуры принято считать природу, представляемую как дикость, как неизведанность.

Это происходит из-за представления культурных знаковых состояний как порожденных искусственностью. Еще Г. Зиммель понимал культуру местом, где люди строят искусственное пространство. При этом есть традиция полагать, что культура отделяется от дикости как необузданности и варварства. В своих реализациях культура наполняет человека благоговением и красотой и, следовательно, человечностью. Таким образом, появляется соблазн (узнав, что культуре противостоит необойденность) квалифицировать ее как охват, обход, совокупность, сказанное, созданное и желание перечить тому, что культура дика. Но куда интересней не назвать культуру, то есть ответить, что она такое. В таком настроении все равно все сведется к деятельности или уровню. Волнительнее прикоснуться к ее идее, к тому, что не поддается окультуриванию (отчуждению); к тому, что осуществляет культуру «прорывами» (Лотман), но само культурным достижением не становится. То есть к реальности, которая лежит за пределами семиотики культуры и находится вне пределов языка [1, с. 42]. И на основании формы культуры узреть, как ведет себя культура в предметном мире.

Изучение формы культуры стало возможным благодаря метатеории и усилиям М. Мамардашвили. Но прежде чем дотянуться до невозможного в культуре, обратим внимание на то, что в эмпирическом мире культуре противостоит не природа, а другая культура (Ю. М. Лотман). Только так, фрагментарно, культура сохраняет прежний вид, живет. Здесь подразумеваются не области культуры: субкультура, контркультура, массовая культура, поп-культура, а ее фрактальная структура. Поэтому культура суть всегда сословие. Она не ведает одиночества и покоя идентичности. Обобщенным признаком всех культур есть перемена. Иначе говоря, изменение – это основа культуры.

Культура на уровне предметного мира не мысль, а мысль, *разобранная* мышлением в мышлении и претворенная в жизнь. Вроде того, что фашизм – это культура, а Сверхчеловек – идея. Культура по содержанию – люди, одержимые предложенной идеей и скованные навязанной формой. Место как человека, так и существа, снявшего в себе человека (чужого), в культурном пространстве отсутствует. Культура словно набор изолированных отдельностей, которые, соединенные встречей, болеют оправданием собственной несхожести. Культура,

необходимо руководствующаяся собственной определенной константой, не способна на все и сразу. Она записывает это на счет собственного достоинства. Поэтому морочит себя и человечество регионально и временно.

Именно изолированность (кастовость) естества содержательной стороны культуры говорит о том, что она по характеру не противница варварства. Обеспечивая себе «алиби», обращаюсь к размышлениям В. Соловьева о войне и культуре. Подавая свои мысли в форме диалога, мыслитель неспроста поручил представлять культуру политику. То есть тому, кто рекомендует настоящее время (не присутствие, а сиюминутное).

Присмотревшись внимательней, обнаруживаем, что война – этап культуры. В. Соловьев уловил, что как война, так и культура активны. Это их роднит. Они обе – состязание, борьба ради своего, только разным инструментарием. Тогда как у войны он дерзкий и грубый, у культуры – изящный. Война полна бесчинных и жестоких поступков, поэтому привычно думать, что война с ее узаконенным убийством – это уничтожение. Или как минимум разрушение. И якобы культура, решая проблему не мечом, а пером, преодолевает безмерную жестокость военщины. Сняв солдафонщину, культура представляет учтивого человека, по умолчанию порядочного, созидającego. В. Соловьев не поспешил стать на сторону культуры и сумел показать, что мерой борьбы с уничтожением и способом его побеждать есть не только культура, но и война. И что примечательно, мыслитель не принимает позицию войны. Это дает ему силу показать, что не только война, но и культура становятся подлогами для прихода в мир мучителя (уничтожителя) человечества. И война, и культура воюют за созидание и одновременно расчищают путь прославлению пагубы. Одним словом, война и культура, не будучи топосом ни зла, ни добра, есть атаками перемен человеческого. В своих поступках они одинаково порядочны и негодны.

Несмотря на то, что культура отбрасывает войну, но не будучи темной, она все таки настроена на мрак. Культура считает, что человек должен самореализовываться на основании слова. При этом ее говор не проясняет (просветляет) человеческое. Тогда как война видна и понятна своей бедой, – гибельная сила культуры неприметна, неслышна. Не разрубая и не стреляя, культура черкает словами смысл и уничтожает события ситуациями. Мы часто путаем человека, поступающего бесчинно, с демоном и обыденно думаем, что тот, кто вежлив – святой. Культура действительно не грубит, она витиевата. Воспитанность и умственная зрелость фальшивят, лгут, представляясь честным и праведным делом. Поэтому культура в действии надменна. Учтивый человек не столько противостоит, сколько намекает

(вразумляет) о мощи истребления. Будущность не устраивает изощренность мысли. Грядущее безыскусно, просто. Изысканность в свою очередь программирует и пикирует проектами, версиями, точками отсчета (застоем). Вежливость, хоть и лакомая, привлекательная, но располагает к консервации порока. Мнительный (наивный) человек легко попадает на крючок обходительности и начинает действовать по эталону. Подменяет идеал образцом (эталон) и своими же руками травит душу.

Культура на уровне предметного мира одержима исключительной значимостью. Формула политика – установление вечного международного мира под предводительством лучшего народа [3, с. 120]. Не зря так остро и буквально воинственно звучит позиция, ставящая в центр всякого представления Европу как олицетворение превосходнейшей цивилизации. Хотя в это же время культура и неразборчива. Суля полную достойность мышления, и тут же упраздняя попытку, а с ней ошибку, провал, культура покушается на свободу и подавляет личность. Своей стереотипностью культура собирает под свой купол всех согласных уравниваться и затеряться в толпе, то есть безответственных и зависимых от мирского. Только кажется, что человек, делающий себе имя на скандале, выделяется из толпы и есть личностью. Эпатажные нападки лишь мнимо провоцируют внимание. В потоке без остановок (оре вместо зова) человечество покупается (продается?) и превращается в инертную массу. Ницше сказал бы: «стадо». Стремящемуся навязать всем без исключения свое мнимое всеисилие здесь раздолье. Он, отождествляя себя с главным критерием, замучает человека движением в одном и том же (конкретной остановкой), локализирует и так избавится от человеческого. При всей своей небрежливости в выборе, культура заботится о собственном внешнем виде. Вычищая все инородное, она выглядит опрятно. Выглаживающим взглядом культура культивирует избирательность, чем готовит почву для обособления и высокомерия. Ущемляя чувство меры (преследуя меру), культура сквозь пристрастие организывает вместилище для тщеславия.

Культура только внешне не такой горький опыт, как война. В действительности обе они – тяжба, ревностное стремление. Повторюсь о том, что культура – завалированное сражение и не сопровождается резней. Но без видных драк насмерть, она неизбежно ведет к концу исторического процесса [3, с. 121], к затмению предшествующего. В желании опередить рядом стоящего, культура кокетливо (не сразу, затягивая) обманывает и заслоняет горизонт. Как это ни странно, но уничтожительно человеческого культура подходит больше, чем война. На

войне человек сам принимает решения, и сам себя обязан простить. Для человекобога культура *не предел, а всего лишь достаточна*. Культурного человека с прогрессивными взглядами тоже по простодушию нельзя считать дьяволом. В культуре с ее логико-историческим основанием злу нет места. Она изломами впутывает в себя жизнь, и, по сути, есть такое же распределение конкретной власти, как и война.

Вышесказанное дает основание утверждать, что культура как вежливая война не сопротивляется варварству. Она дерется за свою сокровищницу и не может служить критерием свободы человека перед происходящим. Поэтому следует согласиться с Мамардашвили в том, что культура не совершенствует человека [2, с. 143–144]. Итак, культура изменяет человека, но не совершенствует. Суть перемены культуры в том, что из простого существа выходит галантное. Культура делает из человека уклужее произведение.

Защищая духовные устремления культуры, уместно заметить, что хоть она и сковывает и хитрит, но все же шевелит приземистость. Прогресс выводит из пещер, заставляет покидать подземелье, и, кажется, что тормозит мракобесие. Культура образовывает (воздвывает), ударяя по положению человека как существа, способного обойтись без слуги, как при жизни, так и после нее. Пусть уроки культуры не гарантийные и не исполняются полностью, все же они пронизаны стремлением. Но не ассоциируется ли в таком положении культура с просвещением? Грамотней различать содержание культуры (образование) и форму действия культуры (просвещение).

Культура действительно умирляет человека. Обуздывает. Требует грамотно распоряжаться порядком, приучает к дисциплине. Высмеивая излишество, культура приветствует кротость. Осуждая месть, аргументировано предлагает быть выше аффектов. Но не получили ли мы сегодня право быть обязанными муштре культуры за появление ressentimenta? С кротостью и запретом реагировать на происходящее, а не так, как принято. Приходит грусть и уныние, начинается работа обиды за себя и сомнение в собственном достоинстве.

На то, что культура – вежливое (пассионаризованное) варварство, можно было бы возразить демонстрацией неподкупности культурного. Спору нет: культура воспитывает человека трудносговорчивого. Но ведь прогрессист – не профессионал, который не станет продавать себя за «конфетти». Скорее это эрудит, с которым много возни в смысле попытки договориться о невозможном. Прогрессист требует высокого жалованья за свои способности, ибо не водится брать взятки. Правда, не остаточной платы – смерти [3, с. 125]. Того, кто оперирует однозначностями и верен

однажды принятому, нереально удивить земным, мелочным. Но и на судьбоносное (чистоту) он не решится. Нуждаясь в новеньком, эрудит не замечает креативного.

В своем содержании культура – суть *выделка*. Поэтому не получается представить любой ее предмет идеалом. И на все возражения о споре культуры с варварством находится отпор. Культура не отменяет дикости. Только прессует ее. Культура не мудрость и не мудра. Мало того, культура не мирное, но мирское состояние. Культура не столько мир, сколько свет, и поэтому «как таковая» не ясная (не озаряет и не самоопределяет). Она не бескорыстна и не самодостаточна в своих определениях и реализациях. Культура – не отдых человека, а безостановочный бег, при чем не столько за привилегией, сколько за удержанием себя в обыденности. Остаться в сегодня – значит не допустить другую культуру, значит пока еще удержаться и быть значимой. В культуре не работает закон равенства, и чувство справедливости ей не присуще. Другая культура – не столько равновеликая сила, удерживающая самодостаточность положения, сколько помеха, конкурент.

Своим влиянием (новшеством) культура изменяет *культурного человека* и *культурный мир*. По мнению очевидцев, В. Высоцкий знал кто он. Но он не понимал, что с собой делать. Когда Высоцкий пел, он был человеком культуры. Когда закрывался в квартире или в алкоголе, то есть жил, все видели варвара. Искренне (наедине) он нарушал правила культуры, то есть соблюдал собственную природу. Не изменяя сущности человеческого, культура меняет свою сущность, постоянно переживает содержательные интерпретации. Человек может сделать культурной благую смерть (эвтаназию), выйти на новый уровень отношений, но для совести это всегда будет убийством.

Будучи способом саморазвертывания себя во времени, культура не развивает, но предлагает безысходное, немое. То есть модернизирует. Поэтому культура не разумна. Умна, но не добродетельна. Культура не условие самоопределения человека в качестве существа мыслящего достойно. Если что-то хорошее или плохое (разрушающее или созидательное) и происходит с человеком в культуре, то случайно. В принципе он – Сизиф. Культура центрична и *не формирует* человека до уровня личности. Она не задает должную норму. Можно только игнорировать те изменения, которые она несет, и прислушиваться к себе в моменты ее пришествий. Поэтому взгляд на культуру как на сферу противостоящую варварству не убедителен. Как выяснилось, культура включает войну и не может претендовать на духовность.

Что касается того, что культура не есть оппозицией природы, то здесь интересна мысль В. Кузнецова. Он обращает внимание на то, что человек не способен что-то создать из ничего, поэтому «все искусственное представляет собой не что иное как естественное, преобразованное, причем опять-таки с помощью естественных процессов, происходящих по естественным законам» [1, с. 35]. Думается, что культуру нельзя полагать оппозицией природы, потому как они не равновеликие силы. Природа не создает вредных организмов. В ней все изначально едино. Любое ее проявление отмечено собой. Единство культуры причинно-следственное.

Несмотря на то, что человек создает пространственную модель отображая естественное, так сказать, изучая природу, он больше вредит, показывая природу оружием. Также нельзя не заметить, что и представление о Вселенной (естественном), строятся по аналогии с домом (рукотворным); родном – по аналогии с семьей. Иначе говоря, человек живет в доме, с родными, так как он – оседлое существо. И как оседлое существо он думает, что космос – безопасность. Но где веский аргумент или гарантии того, что Вселенная – сооружение, и не надо бежать? Когда начинается поиск доказательств, вступает в силу логическая экспликация, и на непринужденное чувство безопасности наслаивается страх. Человек устрашается и кодирует себя не оседлым, а культурным существом. Таким, которое способно уйти от неизбежного погружением в творчество.

Способность *быть* в происходящем основывается на континуальной основе, поэтому мысль естественна (неизбежна). Но в жизни, копируя, человек вынужден пристраивать (создавать) удобства к уже присутствующему. Поэтому укрепляется предметное поле культуры. Природа не столь рождение, сколь «из самого себя восхождение, прорастание, постепенное самораскрытие, вхождение в этом раскрытии в явь и остановку и пребывание в ней, короче говоря, восходящее-пребывающее властвование» [4, с. 98]. Культурная ценность, в отличии от ценности природы, заинтересована набирать массу, увеличивать число представителей и площадь размаха. В природе все есть, и ее захват (номос) безусловен. Власть природы требует предельного уважения к себе. Обреченный ходить сквозь зазоры, а не сквозь сплошные стены, подчиняется этому без воплей. Культура же предоставляет возможность возмущаться, бунтовать по поводу ограниченности, конечности человека и искушает двигаться напролом. Не удивительно, что весьма культурный современник выходит в астрал. Но все посягательства культуры так или иначе исходят из представлений об однажды осознанном природном.

Указание В. Кузнецова на мутирующую (расползающуюся) сущность культурных достижений помогает уловить то, что они вышли не из самой природы (не тождесамость) и не опираются на мыслительный взгляд, а обусловлены целесообразностью. Поэтому культура «кувыркается». Она содержит в себе финал, и постоянно увертывается от своего «содержания». То есть не хочет отвечать за то, что приручила. Существование культурного пространства обеспечено желанием человека выяснить суть явлений, чтобы объяснить (подчинить) их себе и поступать адекватно. Культурные ситуации вышли из именованной вещей мира и сопровождаются инверсиями. Культура как мир эмпирических вещей – ломка человеческого и постепенное оттеснение истинного в человеке. Культура не может противостоять природе, так как ее предметный пласт информативен и является переосмыслением понятого. Природа «как будто» реально отвечает запросам человека, но в действительности живет своей жизнью, есть в себе, и ничего не ведает, не увековечивает. Культура же номинально реализует человеческое естество, поэтому полна идолов.

Попытка посмотреть на культуру в пределах культуры и сосредоточиться на ее положении в предметном мире не столько доказывает что культура не противостоит природе – она не обязательна, не свободна и дружит с грубостью, поскольку открывает то, что в конкретном состоянии она не созидание, а прения. Культура не бытийствует, она объективирует, дробит происходящее. Бытийствует форма культуры. Поэтому предметы культуры не составляют интерес философской теории, здесь оказываются кстати культурологи. Абсолютным долгом философии есть запрет воспринимать культурные наработки всерьез. Такой способ удержать их натиск не только наиболее приемлем, действенен, но мужественен.

1. Кузнецов В. Ю. Мир единства.– М.: Академический Проект; Альма Матер, 2010.– 207 с.
2. Мамардашвили М. К. Мысль в культуре // Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию.– М.: Прогресс, 1990.– С. 143–155.
3. Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории.– М.: ПИК, 1991.– 192 с.
4. Хайдеггер М. Введение в метафизику / пер. с нем. Н. О. Гучинской.– СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998.– 303 с.